

Бормотова Л.В.

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса ОГУ

НАПРАВЛЕНИЯ, СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье рассматривается деятельность адвоката-защитника в ходе досудебного производства по уголовному делу. Анализируются все имеющиеся в распоряжении защитника полномочия, предоставляемые ему по УПК РФ. Предпринята попытка по разрешению процессуальных вопросов, связанных с правом адвоката собирать доказательства.

Состязательность получает наиболее свое полное воплощение в стадии судебного разбирательства. На досудебном производстве характерным является присутствие отдельных элементов состязательности. Связано это в первую очередь с тем, что на стороне обвинения выступает целый ряд государственных органов и должностных лиц, наделенных властными полномочиями, которым противостоит обвиняемый (подозреваемый) и его защитник, не наделенные подобными полномочиями. Для определения средств и способов защиты, используемых адвокатом-защитником на досудебном производстве, принципиальным является определение момента, с которого у защитника появляется весь арсенал процессуальных возможностей отстаивать права и интересы подозреваемого, обвиняемого.

Еще сравнительно недавно адвокат-защитник допускался в уголовный процесс с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления ему для ознакомления всех материалов уголовного дела. Но по постановлению прокурора защитник мог быть допущен с более раннего момента. С 1992 года защитник стал допускаться к участию в деле с момента предъявления обвинения. В связи с изменениями, внесенными в ст. 47 УПК РСФСР Федеральным законом РФ от 20 марта 2001 года [1], защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения, а в случае задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, или применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения, или назначения в отношении этого лица судебно-психиатрической экспертизы – с момента фактического задержания или объявления ему постановления о назначении экспертизы, а в случае, если к лицу, подозреваемому в совершении преступления, применены иные меры процессуального принуждения или его права и свободы затронуты действиями, связан-

ными с его уголовным преследованием, защитник допускается к участию в деле с начала осуществления этих мер или действий. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в статье 49 помимо вышеназванных оснований предусмотрел допуск защитника к участию по делу – с момента фактического задержания, возбуждения уголовного дела в порядке частного обвинения, а также возбуждения уголовного дела, производимых в форме дознания. Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время защитник допускается в любой момент, когда права личности могут быть затронуты уголовным производством.

Участие адвоката – защитника подозреваемого, обвиняемого есть важная гарантия обеспечения личности права на защиту. Но право на защиту отнюдь не сводится к праву иметь защитника. Подозреваемому и обвиняемому предоставляются права, дающие ему возможность воспользоваться лично правом на защиту и защищаться самому. Кроме того, закон обязывает охранять права и законные интересы лиц и возлагает эту обязанность на должностных лиц, осуществляющих производство по делу. Но без участия адвоката система таких гарантий будет неполной. Лицо, производящее дознание, следователь, прокурор – это профессиональные юристы, и противостоять им должен обладающий теми же качествами защитник, а не только подозреваемый (обвиняемый), который в юридических вопросах обычно неопытен [2].

Независимо от сложности, многоэпизодности, количества обвиняемых (подозреваемых) по уголовному делу можно выделить традиционные направления деятельности защитника на досудебном производстве в соответствии с его процессуальным положением.

Во-первых, оказание правовой помощи обвиняемому (подозреваемому) путем реализации своего права иметь свидания со своим подзащитным – подозреваемым или обвиняемым –

наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса, без ограничения их числа и продолжительности. Только при этом условии в процессе свидания может устанавливаться контакт между обвиняемым и защитником, обстановка взаимного доверия между ними. Причем очень важно, чтобы в начале встречи адвокат разъяснил обвиняемому не только цель свидания, но и процессуальные полномочия защитника, правовые средства адвоката, гарантирующие тайну свидания, включая запрет защитнику разглашать сведения, ставшие известными в связи с осуществлением защиты. Этот способ защиты реализуется посредством дачи адвокатом устных и письменных консультаций по правовым вопросам относительно конкретной личности по конкретному уголовному делу. В связи с этим защитник разъясняет подзащитному правовое положение, в котором последний находится в зависимости от момента вступления адвоката в уголовное дело, разъясняет суть подозрения, обвинения, процессуальных и следственных действий, разрабатывает правовую позицию и т. д. Для наиболее полной юридической помощи адвокат наделен правом знакомиться с материалами дела – с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколом следственных действий, проведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны предъявляться подозреваемому, обвиняемому, по окончании предварительного расследования – со всеми материалами дела; вправе присутствовать при предъявлении обвинения, участвовать в допросах своего подзащитного и в следственных действиях, проводимых с участием подозреваемого, обвиняемого. Реализуя данные права, адвокат собирает необходимую информацию для оказания правовой помощи своему подзащитному.

Во-вторых, участие в доказывании. Реализуя данное право, адвокат использует такие средства, как собирание и представление доказательств, необходимых для оказания юридической помощи. Причем доказательства адвокат может представить либо собрать самостоятельно, воспользовавшись своим правом участия в следственных действиях, проводимых по инициативе следователя (прокурора, дознавателя), а также по инициативе самого защитника. Здесь следует отметить важную роль ходатайств, заявляемых адвокатами, которые по сей день остаются наиболее популярным «оруди-

ем» защиты во всех стадиях процесса, поскольку ходатайство есть не что иное, как единственный механизм воплощения позиции адвоката по делу. Субъекты защиты пользуются им для выражения своего несогласия с квалификацией преступления, избранной мерой пресечения, для приобщения определенных объектов в качестве доказательств по делу, о производстве определенного следственного действия, для дополнения, приостановления или прекращения следствия и т. д. Законодатель требует, чтобы заявленные ходатайства были в пределах закона и имели значение для правильного разрешения дела. Ходатайства должны быть аргументированными, и лучше, если они будут изложены в письменном виде. Защитник обязан помочь обвиняемому сформулировать ходатайство, дать ему правильное юридическое обоснование. По просьбе обвиняемого защитник вправе и непосредственно сам составить текст такого ходатайства.

Применение отдельных средств защиты предполагает строгую последовательность совершаемых действий. Так, использование такого средства защиты, как ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами окончательного расследования уголовного дела, предполагает предварительное ознакомление с ними потерпевшего, гражданского истца и ответчика, разрешение заявленных этими лицами ходатайств. Что касается конкретного способа ознакомления с материалами дела, он также может быть различен: раздельное или совместное ознакомление обвиняемого и его защитника путем прочтения лично или посредством заслушивания содержания оглашаемых следователем документов; выписывание необходимых сведений; заявление дополнений в ходе или после ознакомления с материалами дела. Способ реализации такого средства защиты, как заявление ходатайств, может быть устным и письменным, с приведением доказательств или без таковых, до проведения, в момент производства или по окончании процессуального действия. Выбор момента весьма важен и для такого способа защиты, как представление доказательств. По нему, в частности, можно судить о побудительных причинах представления доказательств. Только добросовестностью может характеризоваться способ реализации такого средства защиты, как дача объяснений по предъявленному обвинению. Обвиняемый сугубо по своему усмотрению вправе давать или отказаться от дачи показаний, сообщать прав-

дивые или ложные сведения. Ограничивать свободу реализации такого средства защиты нельзя ни под каким предлогом и никаким путем [3].

Адвокат-защитник наделен правом на представление доказательств. При реализации положений о предоставлении права представлять доказательства нельзя забывать, что защитник вправе представлять не всякие сведения, а лишь те, которые оправдывают обвиняемого, смягчают или исключают его ответственность. Содержание сведений, которые могут служить доказательствами, закон не ограничивает. Однако общая трактовка доказательств, как любых сведений, удостоверяющих в установленном законом порядке наличие или отсутствие общественно опасного деяния или иных данных, имеющих значение для правильного разрешения дела, полученных и зафиксированных в соответствии с установленными правилами органом, осуществляющим производство по делу, – ограничивает право обвиняемого и его защитника представлять доказательства, ибо обязывает реализовывать это право лишь тогда, когда им заведомо известно о достоверности данных, представляемых в качестве доказательств. Во многих случаях такое требование неисполнимо, поскольку у обвиняемого и защитника нет процессуальных средств проверки представляемых данных (далеко не всегда эта проверка возможна для них и за пределами процессуальной формы).

В литературе высказано мнение о неправомерности беседы защитника с частными лицами для получения сведений: отмечается, что защитник вправе представлять только письменные и вещественные доказательства [4]. По мнению некоторых авторов, разрешение адвокату беседовать с человеком, который может сообщить сведения, необходимые для защиты, означает предоставление защитнику права ведения следствия для собирания доказательств, и это может привести к собиранию следователем лишь обвинительных доказательств [5]. Именно вышеуказанные способы собирания защитником доказательств и получили отражение в новом УПК. Он закрепляет новое положение, согласно которому защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, истребования справок, характеристик, иных документов от органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обяза-

ны предоставлять запрашиваемые документы и их копии (ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

Поскольку у защитника нет тех возможностей, которыми располагает следователь, и, кроме того, многим обвиняемым такая защита недоступна по материальным соображениям, предоставлять защитнику право ведения следствия по делу с этих позиций как бы и не нужно. Но это взгляд только с одной стороны, что далеко не согласуется с состязательной моделью уголовного судопроизводства.

На то, что «*параллельное адвокатское расследование*» неприемлемо, так как это прерогатива государственных органов, наделенных властными полномочиями, указывает А.Д. Бойков. Он отмечает, что «такая процессуальная новелла, коренным образом меняющая строй процесса, нуждается в детальной правовой проработке, обеспечивающей порядок реализации соответствующего права адвокатом, гарантии прав участников принципиально новых процессуальных отношений, условия получения объективных и достоверных доказательственных данных» [6].

Вместе с тем мы считаем, что именно наделение адвоката правом вести свое собственное параллельное расследование и представлять суду свои материалы по уголовному делу есть один из важнейших методов повышения эффективности функции защиты в уголовном процессе. Данная новелла призвана гарантировать права личности, в частности право на защиту. Аргументами против данного предложения противники чаще всего выдвигают тезис о том, что «такое построение процесса в досудебных его стадиях приведет к обвинительному уклону и односторонности в деятельности как органов предварительного расследования, так и прокурора. Подобная состязательность между сторонами, осуществляющими уголовное преследование, с одной стороны, и защиту – с другой, не будет способствовать достижению истины по делу» [7].

Нельзя согласиться с данным высказыванием по ряду причин. Прокурор, следователь – участники стороны обвинения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме того, провозглашенный принцип состязательности в ст. 15 УПК РФ призван охватить весь уголовный процесс, а не только одну его стадию – судебное разбирательство. Далее, в уголовно-процессуальном законе напрочь отсутствует понятие истины как цели доказывания. Взамен ей законодатель предложил модель процесса, приближенную к англосаксонской модели, где це-

лью всей уголовно-процессуальной деятельности является достижение такой убежденности судей о доказанности обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела по существу обвинения, которая с неоспоримой достоверностью влекла бы вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора. При этом всякая деятельность органов предварительного расследования и других участников процесса имеет значение лишь постольку, поскольку она существует для и во имя судебной деятельности по разрешению главного вопроса о виновности или невиновности подсудимого.

Другое дело – вопрос о статусе собранных защитником сведений в ходе частно-расследовательских мероприятий, способе их фиксации и юридической силе. В этом плане вносится предложение о введении процессуальной фигуры *следственного судьи* [8], который в силу своих полномочий обязан рассматривать все вопросы, связанные с реализацией норм, регламентирующих институт судебного контроля на стадии предварительного расследования. Судебный контроль – более надежный гарант прав личности на предварительном следствии, чем прокурор. Суд не связан ведомственными интересами, независим, не несет ответственности за раскрытие преступлений.

Следует подчеркнуть, что идея введения фигуры следственного судьи на досудебном производстве по делу не является «прозападным настроением» многих ученых. Это лишь воскрешение хорошего опыта прошлой практики, имевшей место в дореволюционной России конца XIX века. В настоящий момент в уголовной процедуре наметилась тенденция к формулированию концепции системы судебного контроля [9], неизменным атрибутом которой должен стать следственный судья. Следственный судья, по утверждению Н.Г. Муратовой, «мог бы осуществлять все формы судебного контроля на досудебном производстве по уголовному делу». Одним из полномочий этого судьи должно стать разрешение ходатайств защитника на производство следственных действий, направленных на собирание доказательств. Производство следственных действий должно осуществляться, на наш взгляд, следующим образом. При положительном разрешении ходатайства о производстве следственного действия в интересах стороны защиты – это, разумеется, не все следственные действия, а лишь такие, как допрос потерпевшего, свидетеля, эксперта, очная став-

ка, назначение и производство экспертизы в альтернативных экспертных учреждениях, осмотр места происшествия, помещения, в том числе жилого, проверка показаний, – следственный судья выносит соответствующее постановление, назначает место и время производства следственного действия, извещает заинтересованных лиц повесткой. Явку недобросовестных участников можно было бы обеспечивать при помощи судебных приставов. Производство самого следственного действия осуществлять под контролем судьи при непосредственном его участии. Следственный судья мог бы также выезжать на производство осмотра по ходатайству защитника или подозреваемого (обвиняемого), только в том случае, если, соответственно, при первоначальном осмотре защитник не участвовал, а также имеются по сведениям адвоката данные, говорящие в пользу его клиента и не учтенные в ходе первоначального осмотра. Оглашение прав и обязанностей участников таких следственных действий, а также предупреждение об ответственности должен осуществлять судья. В ходе производства, например, допроса, очной ставки предоставить инициативу по постановке вопросов адвокату-защитнику, иным участникам, а затем самому судье, т. е. по аналогии с допросами, производимыми в ходе судебного разбирательства дела по существу по первой инстанции.

Здесь, безусловно, может возникнуть ряд вопросов при критической оценке данного предложения: например, зачем необходимо дублирование, затягивание процесса нагромождением его дополнительных следственных действий, тогда как можно предложить адвокатам просто-напросто активизировать свою позицию при производстве следственных действий, производимых следователем, дознавателем, прокурором? Не будут ли при производстве предлагаемых следственных действий ущемляться права участников со стороны обвинения? Чем следственный судья будет при приводимом раскладе отличаться от судьи, рассматривающего дело по существу? За чей счет будут производиться все вышеуказанные действия?

На все эти вопросы следует ответить, что пока адвокат-защитник не будет наделен реальными возможностями по применению на практике всех тех правомочий, которые законодатель продекларировал в статье 86 и ряде других норм УПК, состязательность будет оставаться фикцией. Что касается остального, то, конечно, требу-

ется тщательная разработка и соответствующее государственное финансирование.

В-третьих, адвокат охраняет права и законные интересы своего подзащитного путем реагирования на допускаемые нарушения со стороны правоохранительных органов. С этой целью законодатель наделил защитника правом заявлять отводы, приносить жалобы на действия (бездействия) и решения следователя, прокурора, суда и участвовать в их рассмотрении судом.

Среди средств защиты значительное место занимает возможность заявления отвода следователю, прокурору, эксперту, специалисту, переводчику. Оно имеет место в случаях, когда субъекту защиты становится известно о наличии обстоятельств, исключающих участие указанных лиц в уголовном судопроизводстве. Отвод может быть заявлен в любой момент следствия, как только обвиняемому или его защитнику станут известны необходимые для этого обстоятельства. Каждый из субъектов защиты может реализовать свое право на заявление отводов самостоятельно. Заявление об отводе представляется как в устной форме, с отражением в протоколе соответствующего процессуального действия (например, в протоколе допроса), так и письменно. Вопрос об отводе в течение трех суток разрешается прокурором, осуществляющим надзор за следствием.

Важным представляется такое средство защиты прав обвиняемого в уголовном процессе, как возможность обжалования в суд действий (бездействий) и решений органов предварительного следствия. Вопросы судебного контроля в российском уголовном процессе вызывают оживленные споры и являются предметом многих дискуссий и публикаций. Появившись в 1992 году в виде права обжалования в суд постановления об аресте и о продлении срока содержания под стражей, этот институт постоянно развивался и, как правило, в сторону расширения возможности обжалования в суд решений органов предварительного расследования. За прошедшие годы накоплена достаточная практика, как следственно-судебная, так и конституционная. Именно в связи с деятельностью Конституционного Суда РФ сфера действия судебного контроля значительно расширилась.

Институт судебного контроля потребовал значительно более обширного и детального законодательного регламентирования. В УПК РФ он урегулирован отдельной статьей (108). Эта потребность подтверждается не только сегод-

няшней практикой, но и перспективой развития этого юридически и социально значимого института в соответствии с принципиальнейшими, но реально остающимися до сих пор недействующими положениями Конституции РФ, которые предусматривают избрание меры пресечения в виде ареста, проведение обыска и др. лишь по судебному решению. Не следует забывать о том, что основное предназначение судебного контроля в стадии предварительного расследования – защита прав и свобод человека и гражданина.

Так, в 1994 году по Оренбургской области обжаловал арест каждый десятый арестованный, удовлетворено 23% жалоб. В 2000 году арест обжаловал каждый пятый арестованный, а удовлетворено лишь 14% жалоб. Таким образом, несмотря на ежегодный рост числа жалоб на арест, число удовлетворенных из них снижается.

В этой связи нельзя не согласиться с тем, что обжалованию в суд подлежат не любые решения и действия следователя и прокурора, а лишь нарушающие конституционные права и свободы (помимо прямо указанных в действующем УПК, это – отказ в возбуждении уголовного дела, отказ в допуске конкретного защитника, прекращение уголовного дела и некоторые другие). Дискуссионные вопросы о возможности обжалования тех или иных действий (решений) следователя, например отказ в назначении экспертизы, очной ставке, допросе свидетеля, должны быть разрешены в новом УПК. В настоящее время данные действия попадают под контроль суда лишь в стадии судебного разбирательства.

Решения органов предварительного следствия и прокурора, которые сегодня разрешено обжаловать в суде, это постановления органов следствия и дознания, а также прокурора, в которых сформулированы итоговые (для определенной стадии расследования или в целом) или окончательные решения (постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, о приостановлении следствия по уголовному делу, о выделении либо соединении уголовных дел, о направлении уголовного дела и т. д.); обжалование в суд постановления о задержании, об аресте, о продлении срока следствия и срока содержания под стражей, можно указать на право обжалования постановления о производстве обыска; постановления о наложении ареста на имущество, об отстранении от должности, о помещении в стационар для проведения судебно-психиатрической экспертизы и другие.

Считаем возможным обжалование в суд решения следователя об отказе в допуске к делу конкретного защитника, ибо он затрагивает право на защиту. Кроме того, необходимо расширить перечень оснований, по которым допускается судебное обжалование, в частности обжалование в суд отказа в удовлетворении ходатайства стороны защиты о проведении следственных действий по собиранию доказательств.

Относительно решения вопроса о применении к обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения в виде содержания под стражей в судебном порядке в литературе высказана точка зрения о том, что вынесение подобного решения в судебном заседании целесообразно совмещать с выяснением позиции обвиняемого по существу ранее предъявленного ему обвинения [10]. Выяснение позиции по предъявленному обвинению, на наш взгляд, имеет смысл для решения вопроса об обоснованности избрания меры пресечения.

В ходе судебного заседания при решении вопроса о применении ареста не совсем понятно, почему дополнительные доказательства могут представляться только для подтверждения обоснованности задержания (п. 3 ч. 6 ст. 108 УПК). Поскольку доказательства обоснованности могут представлять только участники стороны обвинения, следует отметить нарушение в этой связи принципа состязательности, так как стороне защиты аналогичного права не предоставлено.

В-четвертых, деятельность защитника на досудебных стадиях процесса не заканчивается по окончании предварительного следствия, она продолжается в ходе подготовки дела к судебному заседанию, при производстве предварительного слушания. На практике, а нами было обобщено всего 80 уголовных дел, в том числе по рассматриваемой стадии 50 дел, чаще всего заявляет ходатайства о проведении предварительного слушания сторона защиты. Причем количественное соотношение тех или иных ходатайств по рассматриваемой форме производства на этой стадии следующее: из 50 обобщенных дел по 16 делам какого-либо рода ходатайства в стадии назначения судебного заседания не заявлялись вообще; из оставшихся 34 уголовных дел в 29 случаях заявлялись ходатайства, в 5 случаях подавались жалобы; из 29 случаев заявления ходатайств в одном случае было заявлено ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору по п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК, в 3 случаях ходатайства были заявлены потерпевшими о прекращении производства по делу в связи с

примирением с обвиняемым по ч. 1 ст. 264 УК РФ, в 25 случаях ходатайства заявлялись со стороны защиты. Из числа последних были заявлены следующие ходатайства: 12 ходатайств были заявлены по поводу вызова в судебное заседание свидетелей стороны защиты, о приобщении к материалам дела документов, характеристик, об истребовании тех или иных документов, которые защитники не смогли добыть на предварительном следствии самостоятельно, о назначении экспертиз; в 3 случаях заявлялись ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке, в 5 случаях адвокатами и их подзащитными заявлялись ходатайства о прекращении производства по делу, и в 6 – об исключении доказательств, добытых с нарушением закона.

Таким образом, как видно из приведенных данных, чаще всего поводом для проведения предварительного слушания является ходатайство, заявленное стороной защиты об исключении доказательств. Причем только одно из них было удовлетворено. Так, по уголовному делу по обвинению Банных в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, адвокатом было заявлено ходатайство об исключении из доказательственной базы протокола допроса несовершеннолетнего свидетеля М., как не соответствующего требованиям закона. А именно, протокол допроса свидетеля М. не содержал указаний на участие в ходе допроса педагога, что является нарушением ст. 191 УПК. Своим постановлением суд исключил из доказательственной базы указанный протокол [11].

Адвокат, активно участвуя на этапе производства предварительного слушания, выступает в роли помощника суда, но вместе с тем он и склоняет суд, еще не начавший рассматривать дело по существу, к правильности своей позиции. По сути дела, защитник заставляет задуматься судью о том, насколько надлежащим образом выполнены органами предварительного следствия все процессуальные действия, и в соответствии с имеющимися у суда полномочиями устранить допущенные следователем, дознавателем, прокурором нарушения, что недопустимо в условиях разграничения уголовно-процессуальных функций.

Считаем, что законодателем неоправданно главы 33 и 34 УПК, посвященные общему порядку подготовки к судебному заседанию и предварительному слушанию, отнесены к производству в суде первой инстанции, то есть к судебному производству. По нашему мнению,

та деятельность, которая осуществляется судьей в рассматриваемых этапах, носит сугубо проверочный и контрольный характер по отношению ко всему предшествующему производству по делу, а следовательно, не может быть смешана с рассмотрением дела по существу и уж тем более сосредоточена в руках одного и того же судьи. Здесь следует согласиться с позицией Н.Г. Муратовой, что «именно этот этап может стать одним из важных в системе судебно-контрольных гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан» [12]. В свете усиления состязательности

предварительного слушания, эффективности защиты и в то же самое время, что представляется важным, независимости и объективности суда, разрешающего дело, от предубеждений, могущих возникнуть в ходе предварительного изучения материалов уголовного дела, необходимо полномочия по осуществлению судебного контроля в рассматриваемой стадии передать вышеупомянутому следственному судье. Это поможет как разграничить деятельность самого суда, так и правильно сориентировать стороны на активизацию деятельности на данном этапе.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон РФ №26-ФЗ от 20 марта 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» // Российская газета от 23 марта 2001 года, №58. – С. 26.
2. Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения права на защиту. – М., 1988. – С. 7.
3. Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Обвинение и защита. – Ижевск, 1997. – С. 68.
4. Стецовский Ю.И. Уголовно-процессуальная деятельность защитника. С. 59.
5. Ларин А.М. От следственной версии к истине. М., 1976. С. 19–24.
6. Бойков А.Д. Третья власть в России. – М., 1997. С. 246.
7. Болтошев Е.Д. К вопросу о состязательности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России // Российский судья, 2001, №10. С. 17.
8. Гуськова А.П. Проблемные вопросы уголовно-процессуальных функций в российском праве // Проблемные вопросы законодательной и правоприменительной деятельности в России на рубеже нового тысячелетия. Сб. научных статей. Под ред. А.П. Гуськовой. Оренбург, 2001. С. 13.
9. См., например, об этом: Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Автореф. дисс. д. ю. н. – Екатеринбург, 2004. – С. 9.
10. Колоколов Н. Судебный контроль за арестами // Российская юстиция. – 1998, №3. – С. 10.
11. Уголовное дело №1–104–03. Центральный районный суд г. Оренбурга.
12. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. – С. 30.